

Время уже было позднее, и бабушка, едва перекинувшись парой слов, устало закрыла глаза. Дождавшись, пока она уснет, Су Цзинцюэ осторожно поднялась и вышла из палаты, стараясь не издать ни звука.

Толкнув дверь, она увидела Ли Ю, сидевшую на стуле в коридоре. Девочка низко опустила голову, но в телефон не смотрела — казалось, она о чем-то задумалась, а затем вдруг тяжело вздохнула. Юная особа была нахмурена, вид у нее был весьма озадаченный.

— Отчего же ты так вздыхаешь в столь юном возрасте? — спросила Су Цзинцюэ, подойдя к Ли Ю.

Ей казалось, что у ребенка из такой семьи в этом возрасте, кроме школьных заданий, не может быть никаких поводов для беспокойства.

Голос Су Цзинцюэ застал Ли Ю врасплох, и та, подобно маленькому зверьку, испуганно вздрогнула. Сняв наушники, она подняла взгляд:

— Сестрица Су, ты уже закончила?

— Да, закончила. Мы возвращаемся... — Су Цзинцюэ хотела сказать «домой», но осеклась. Возвращаться в поместье семьи Ли было уже слишком поздно, а завтра рано утром им предстояло вернуться в город на обед, так что это было неудобно. Она хотела было предложить поехать к ней в съемную квартиру, но тут же передумала: — Мы поедем отдыхать в отель.

Почему-то ей не хотелось везти Ли Ю к себе.

Ли Ю склонила голову набок и тихо промолвила:

— А ведь мой дом здесь, совсем рядом.

Су Цзинцюэ вспомнила, что у семьи Ли в центре города есть несколько объектов недвижимости. Тот особняк, где отец с дочерью жили постоянно, находился у реки, недалеко от больницы.

— Тогда мы поедем туда.

Ли Ю, не привыкшая спорить, послушно кивнула.

Попрощавшись с девочкой, Су Цзинцюэ ушла в отведенный ей гостевой номер. Возможно, из-за пережитых за день волнений ее одолела бессонница. Она ворочалась с боку на бок и смогла забыться сном только к двум часам ночи.

Едва она погрузилась в глубокий сон, как тишину нарушил телефонный звонок.

Кто это может звонить в такую рань?

Су Цзинцюэ, сонная и раздраженная, даже не глядя на экран, сбросила вызов. Но телефон настойчиво зазвонил снова, потом в третий, в четвертый раз... Наконец, не выдержав, она схватила аппарат, ответила на звонок, вскочила с кровати и, выбежав на балкон, рявкнула в трубку:

— Дяо Юйвэнь, у тебя что, мозги набекрень? Ты вообще видела, сколько сейчас времени?!

— ...Ой.

— Два часа ночи! — выпалила Су Цзинцюэ.

— Два часа ночи? — на том конце провода Дяо Юйвэнь, видимо, не ожидала такой бурной реакции, некоторое время молчала, а затем, ни капли не раскаиваясь, спросила: — И... что в этом такого?

Су Цзинцюэ, у которой глаза слипались от усталости, не стала ничего слушать и сбросила вызов.

Убранство особняка семьи Ли было похоже на поместье: комната Ли Ю находилась на третьем этаже, прямо напротив гостевой. Су Цзинцюэ внезапно порадовалась, что не потащила Ли Ю в свое скромное жилище. Она не только не хотела пускать кого-либо в свое личное пространство, но и чувствовала бы себя крайне неловко, приведи она такую избалованную с детства девочку в ту тесную квартиру, на покупку одного туалета в которой ей пришлось бы копить всю жизнь.

— ... — Су Цзинцюэ приложила руку ко лбу. — Ха-ха.

Дяо Юйвэнь наконец уловила в ее голосе нотки сонливости и приглушила тон:

— Малышка, я же тебе сказать хотела: моя командировка наконец-то закончилась, я возвращаюсь в Хайчэн! Ну, я так обрадовалась, что сразу тебе позвонила.

— Из-за одного звонка? — приподняла бровь Су Цзинцюэ.

Дяо Юйвэнь взглянула на историю вызовов и смущенно пробормотала:

— Ну, может, звонила раза три-четыре... Послушай, сегодня же выходные! Ты не работаешь, так что лечь в два-три часа — это же обычное дело, чего злиться-то?

— Я не просто не работаю, я взяла длительный отпуск и, скорее всего, вообще уволюсь, — холодно ответила Су Цзинцюэ.

— Да ладно? Ты в отпуске, так почему бы среди ночи не поболтать с наставницей? — Дяо Юйвэнь вдруг осеклась, и ее голос взлетел на октаву выше: — Что? Ты увольняешься? Да, твои коллеги — те еще идиоты, но ведь во второй половине года тебя должны были повысить, перевести в отдел внешней торговли! Почему ты вдруг решила уйти?

— Я выхожу замуж, — кратко ответила Су Цзинцюэ.

На линии воцарилась тишина. Су Цзинцюэ привычно отвела телефон от уха, и не зря — вскоре оттуда раздался оглушительный вопль:

— Что?! Су Цзинцюэ, ты что несешь? Уволиться — ладно, но выйти замуж?! У тебя с головой всё в порядке?

Су Цзинцюэ облокотилась на перила балкона, вглядываясь в ночную мглу, и слегка приподняла бровь. С того самого дня, как бабушку положили в больницу, она еще не говорила об этом Дяо Юйвэнь. Ей совершенно не хотелось об этом распространяться.

Но сегодня — то ли из-за того, что днем настроение было неплохим, то ли из-за раздражения, вызванного звонком, — она решила выговориться. Су Цзинцюэ вкратце пересказала подруге все, что произошло за последние дни.

Дяо Юйвэнь слушала, открыв рот, и когда Су Цзинцюэ закончила, в трубке воцарилось молчание. Лишь спустя долгое время она очень тихо спросила:

— Цюэцюэ, с тобой сейчас всё хорошо?

— Вполне, — равнодушно ответила Су Цзинцюэ и усмехнулась: — Если ты не будешь мешать мне спать.

Дяо Юйвэнь пробормотала:

— Малышка, тебе нужно что-нибудь? Может, помощь какая? То есть...

— Нужно, — перебила ее Су Цзинцюэ. — Повесь трубку и дай мне поспать. Прямо сейчас.

— ... — Дяо Юйвэнь, казалось, помедлила, но все же отключилась.

Су Цзинцюэ вернулась в постель и закрыла глаза, позволяя сну вновь окутать себя. Через

некоторое время телефон снова пискнул — на этот раз пришло сообщение от Дяо Юйвэнь: «Ученица моя, как вернусь из командировки, мы с тобой устроим пир на весь мир. Наставница больше не будет тебя будить. Спокойной ночи, приятных снов».

Су Цзинцюэ ответила короткой отпиской.

Дяо Юйвэнь была на три года старше. Они познакомились, когда пятнадцатилетняя Су Цзинцюэ, сбежав из дома, пыталась заглушить отчаяние в видеоиграх. Тогда Дяо Юйвэнь, зная о ее положении, не раз прогуливала уроки, чтобы составить ей компанию в игре, утешить или подбодрить, а порой даже присылала гостинцы.

Позже, когда они обе устроились на работу и их офисы оказались рядом, они часто становились друг для друга жилетками, помогая в трудных ситуациях. Но сейчас Дяо Юйвэнь ничем не могла помочь — даже слова утешения казались бессильными.

Между пятнадцатью и двадцатью тремя годами все изменилось.

Пятнадцатилетняя Су Цзинцюэ обладала смелостью бросить все и сбежать, даже растаяв в грязи, куда не проникал солнечный свет, она верила, что сможет расцвести белоснежным цветком.

Но двадцатитрехлетняя Су Цзинцюэ не имела смелости даже подумать о том, что случится, если она попытается уйти. Она лишь трусливо следовала по проложенному пути, раз за разом убеждая себя: «Так даже лучше, не о чем жалеть, оно того стоит».

Взросление — это процесс бесконечных потерь.

А больше всего теряется смелость.

<http://bllate.org/book/21003/2135506>